

АРТАКСЕРКС

Фантастический рассказ

Наша «черепашка» бойко бежала по бурой равнине, подгоняемая жидким эриданским ветром. Красная пыль висела в воздухе, сглаживая очертания скал причудливой формы, возникавших по пути. Высоко над головой в фиолетовом небе стоял совсем крохотный кружочек солнца. По нашим земным представлениям солнце здесь почти не грело, и все же его могучей силы хватало на то, чтобы вечно будоражить атмосферу планеты, перемещать миллиарды тонн песка, шлифовать скалы и разрушать их, превращая в щебень и мельчайшую пыль.

Перегоняя нас, прокатилось перекати-поле — большой шар из жестких, как проволока, стеблей, колючек и оранжевых коробочек с семенами меньше маковых зерен. Перекати-поле — посевная машина, способная бесконечно долго высевать семена; если же ей удастся зацепиться своими колючками в овражке или канаве, то через несколько минут из нижних стеблей выйдут желтые корни и станут сверлить песок, добираясь до влажных слоев, через час оно зацветет nepостижимо прекрасными цветами и опять готово в путь сеять семена жизни...

Антон сказал, проводив взглядом колючий шар:

— Невероятная приспособляемость. Вот еще одно подтверждение неистребимости жизни. Создание ее невероятно трудно, сложно, и потому у нее такой запас прочности. Эти эриданские кактусы выдерживают и космический холод, и непомерную жару! Они не горят! Готовы хоть сейчас переселиться на другую планету, в другую галактику, куда угодно, или ждать миллионы лет дома, пока не произойдет чудо и Эридан снова оживет. И, пожалуй, ждать не так долго. Мы-то ведь уже здесь! Как жаль, что не дождались люди...

Я сказал:

— Возможно, они еще уцелели, только не знают о нашем бытии.

— Ну нет. Наш прилет не мог остаться незамеченным при таком уровне цивилизации... — Антон помолчал, наблюдая, как «черепашка» ловко обходит столбы из песчаника, похожие на колонны, а может быть, это были самые настоящие колонны? Колонны остались позади. Антон добавил: — Бывшей цивилизации. То, что они живут в глубинах планеты, — старая сказка. Они могли бы жить и на поверхности, если бы что-то не случилось...

И мы — в который раз! — задумались над судьбой эриданцев. Они теперь занимали все наши мысли. Пока здесь, на экваторе,

нам встречаются только развалины городов, ирригационных сооружений, высохшие моря, удивительные памятники, фантастическая утварь, звучащие книги, которые мы никогда не поймем...

В шлемофоне раздался предупредительный сигнал и голос Вашаты:

— Ну как, друзья? Все двигаетесь?

— А ты не видишь? — спросил Антон.

— Довольно хорошо в просветы песчаных туч...

— Скучно на вахте?

— Очень. Зингер занимается генеральной уборкой. Эта «колючая проволока» проросла у него в скафандре! Приказал выбросить скафандр. Вот к чему приводит нарушение элементарных инструкций. Так что, прошу вас!

— На этот счет не беспокойся, — успокоил Антон, — мы живые параграфы космической дисциплины.

— Не втирайте мне очки, как говорили наши предки, и особенно не задерживайтесь, ограничьтесь только общим осмотром и съемками, здесь работы на сто лет. Ну, вот вы и приехали. Счастливо, ребята! Не лезьте под обломки...

«Черепашка» остановилась: путь преграждали развалины городских ворот и стены. Город когда-то находился под гигантской крышей, сейчас она обвалилась, осталось всего несколько арок с частью перекрытия из помутневшего стекла. Рухнувшие арки погребли под собой целые кварталы зданий с южной стороны, на севере город оставался почти целым. Архитектура здесь отличалась, по меткому выражению Антона, «печальной пышностью мавзолеев». Дома в два-три этажа из литого камня разных оттенков, стены покрыты фресками из цветной эмали, такой же яркой, как на самаркандских мечетях, только при внимательном рассмотрении видно, как они стары; все в бесчисленных трещинах и кое-где начали осыпаться, но издали дома кажутся почти новыми.

Без особого труда мы с Антоном одолели барьер из развалин, если можно назвать развалинами упавшее сооружение, совершенно почти целое, только кое-где в трещинах: литой камень необыкновенно прочен. Стены и кровля выстояли бы еще не одно тысячелетие, если бы не вечная работа ветра: ветер «подмыл» стены, и они рухнули, правда, не везде, северная часть еще держалась и выглядела несравненно лучше, чем остаток римских сооружений в Италии или на юге Франции, например в Арле, где в цирке до сих пор идут представления Всемирного концертного объединения.

На мостовой почти не было песка.

— Все дело в тяге, — сказал Антон. — Чувствуешь, как дует в лицо — скафандр гудит?

Действительно, ветер дул очень сильно, но скоро Антон обнаружил, что соседняя улица засыпана песком, хотя там сила ветра была такой же. Мостовую, по которой мы шли, покрывали изразцы цвета эриданской воды, цвет ее, как и у нас на Земле, зависел в сильной степени от цвета неба, а здесь оно почти всегда серо-фиолетовое. По этой дороге было очень легко идти, почти как на Луне.

На «нашей улице» только в дверных нишах держались горки

розового песка, мелкого, как пыль. Антон обрушил одну из горок, и она, не коснувшись дороги, умчалась к пределам мертвого города.

Антон, посмотрев на меня удивленно, сказал:

— Странная дорога. Она отталкивает почти все, что падает на нее. Смотри! — Он бросил небольшой камень, который поднял еще у стены, камень, еле притронувшись к плите, взвился в небо и улетел через крышу.

Я сказал, что давно почувствовал необычайную легкость, с которой мы движемся по городу.

— И я тоже, — сказал Антон и показал на стену дома: — А на это ты не обратил внимания?

По стене соразмерно со скоростью нашего движения скользил желтый круг. Я тоже давно мельком заметил его, но принял за повторяющуюся деталь фресок непонятную деталь. Здесь все непонятно, но я не заметил почему-то, что круг движется.

Антон многозначительно сказал:

— И фиолетовая мостовая, и круг связаны между собой. Видишь — мы стали, и он остановился, а сейчас поплыл. Надо бы сказать Вашате, если он не видит. Возможно, ему мешают поле, блокировка.

Вашата тут же сказал:

— Никакой блокировки. Все почти вижу. Вот теперь и круг и вы действительно бежите как лунатики. Интересно, что за сигнализация? Неужели?!

— Вряд ли, — ответил Антон. — Если бы кто уцелел, то зачем эти фокусы? Просто остатки чего-то, какой-то системы оповещения. Таким способом можно было найти нужное здание, особенно ночью.

— Странно слышать подобный лепет, — вмешался Зингер. — Ты великолепно знаешь, как освещались их города в ночное время. Твое объяснение я отношу только за счет изменения силы гравитации.

Я ждал, что снова завяжется словесный турнир, и сам не прочь был принять в нем участие, да Антон ответил необычайно мягко:

— Ну, ну, Альф, у меня нет желания разрушать твою гипотезу. Ты лучше скажи, как твои успехи по борьбе с кактусами? Выловил колючки?

— Все! Как они быстро прорастают, были бы только следы влаги. Я насилу вылез из скафандра. К счастью, они не ядовиты.

Вашата не преминул заметить:

— Ты погоди еще. Хотя, судя по всему, яд им не нужен — живности здесь нет...

Видимо, в этот момент Зингер «пронзил» его взглядом своих колючих глаз, и Вашата добавил:

— По всей видимости...

Между тем светящийся круг остановился в стенной нише, в ней оказалась дверь, она медленно ушла в стену, и перед нами открылся темный проем.

Вашата сказал:

— Посветите фонарем.

Антон и я направили рефлекторы в темноту, и мгновенно дом осветился.

— Ну что я говорил? — не преминул заметить Альф Зингер. — Даже сейчас работает их осветительная сеть!

— Нас приглашают, — сказал Антон.

— Что?! Ты видишь его? — не понял Вашата.

— Нет, конечно, но свет и дверь...

— Возможно, хранилище, сработала автоматика, — сказал я.

— Мы пойдем, — сказал Антон.

— Заходите, только очень осторожно, — разрешил Вашата и добавил: — Что-то мне не очень нравятся этот желтый кружочек и наша антигравитационная улица. Заходите и долго не задерживайтесь, сначала ты, Ив. Только для рекогносцировки, завтра займемся основательней...

Должен сказать, что у меня сердце забилося сильнее, когда я перешагнул порог этого загадочного дома. В большом вестибюле поражала чистота, будто здесь жили люди. Казалось, что фрески на стенах только что протерли.

Не дожидаясь, когда я позову его, Антон вошел следом за мной.

— Вполне прилично, — сказал он, осматривая стены, потолок, пол. — Я не удивлюсь, если сейчас появятся хозяева, так здесь...

Он осекся, и я видел сквозь стекло шлема, как побледнело его лицо, да и сам я почувствовал, как замерло у меня сердце: где-то в глубине дома послышались шаги. Мы невольно отступили к порогу.

— Что у вас стряслось? — взволнованно спросил Вашата.

Он теперь нас не видел, мы находились под крышей. Мы не успели ответить: вдали, через анфиладу комнат к нам шел эриданин. Точно он сошел с фрески, такой же высокий, изящный, длиннорукий, с удлинненным лицом и огромными глазами. Он шел скользящей походкой, откинув голову, прижав руки к туловищу.

— Ну что же вы! — крикнул Вашата. — Почему молчите? Что случилось?

— Здесь живут! — прохрипел Антон.

— Эриданин, — сказал я срывающимся голосом.

Вместо ответа Вашата и Зингер часто задышали в микрофон. Вашата сказал:

— Врете, черти. Ну разве можно так...

— Он, вот он! — сказал Антон. — Подходит.

И в микрофоне опять послышалось частое дыхание наших товарищей.

Эриданин остановился посредине вестибюля, в десяти шагах от нас, и мы услышали его певучий голос, красивый и печальный. Лицо его было неподвижным, чуть приоткрывался только маленький тонкогубый рот. Он был лыс. Голова и лицо цвета тусклого золота. На широкую грудь ниспадала роскошная ассирийская борода цвета вороньего крыла, вся в завитках. Нос тонкий, длинный, с тупым кончиком, без ноздрей. Ушных раковин не было. Костюм тоже, как на фресках, такие фигуры обыкновенно изображаются на заднем плане — облегающий, серый, с желтыми полосами. Ступни ног длинные. На ногах красные

Рисунки В. КОЛТУНОВА

туфли или что-то в этом роде. В первые мгновения я еще обратил внимание на кисти рук — сухие, с четырьмя пальцами.

Мы раскланялись, насколько позволяли жесткие скафандры. Антон сказал через рупор в шлеме:

— Мы, люди Земли, приветствуем вас!

Вашата прошептал:

— Братья по разуму...

В ответ эриданин пропел короткую фразу и повел рукой в сторону комнат.

— Нас приглашают! — громко, уже оправившись от потрясения, сказал Антон.

— Идите! — разрешил Вашата. — И прибавьте звук: плохо вас слышим.

Эриданин отступил в сторону, уступая нам дорогу, затем быстро перегнал и пошел впереди, не оглядываясь.

— У него третий глаз! — прошептал Антон. — Смотри, на затылке.

За нами внимательно наблюдал этот глаз.

В дверях одной из комнат стоял еще один эриданин, очень похожий на первого, но в костюме темно-палевого цвета и в желтых туфлях. Цвет бороды — бордовый. Когда мы с ним поравнялись, он пропел ту же приветливую фразу, что и чернобородый, и поднял левую руку, в правой он держал прибор, похожий на лучевой пистолет.

Пробормотав приветствие, мы невольно подались к противоположной стене.

И еще третий попался нам по пути, тоже с «лучевым пистолетом», он водил им в разные стороны, и стены комнаты на глазах светлели. Этот был приземистый и без бороды.

— Пылесос! — сказал Антон.

Да и я подумал то же. Пылесос, действующий на каком-то непонятном принципе.

— Уборка. В нашу честь! — опять изрек Антон и спросил: — Ты не находишь, что это роботы?

У меня давно мелькала такая мысль и гасла под наплывом необычных впечатлений, да мне и не хотелось расставаться с иллюзией, что мы встретили живых людей. Выдавала скованность движений. Кроме того, я вспомнил, что в разных городах мы не раз находили «мертвых» человекоподобных роботов. Наши хозяева, видимо, принадлежали к высшему разряду. На фресках по внешнему виду такого рода механические существа ничем не отличались от людей, кроме костюма, да еще почти всегда изображались за каким-нибудь занятием. Подлинные эриданы не отягощали себя физическим трудом, по крайней мере, их изобразительное искусство не отражало этого рода их деятельности. Цивилизация, следы которой мы застали, отличалась предельным насыщением жизни всевозможными техническими приспособлениями, все изготовляли гигантские комплексы машин, многочисленные механизмы с программным устройством различных назначений. Человекоподобные роботы занимали особое положение.

Антон сказал:

— Роботы говорят. А может, это киборги? И они помогут нам найти ключ к языку эридан.

Вашата тревожно спросил:

— Что вы там шепчетесь? Что случилось?

— Ничего особенного, это, видно, не настоящие эридане, а их роботы или киборги.

— Говорящие?

— Да. Поют. Разве не слышал?

— Слышал, но не поверил. Принял за вой ветра, а вас уже хотел взгреть за фиглярничанье. Вы все идете?

— Идем. Большие комнаты. Очень чисто. Роботы смахивают пыль. Это не жилище эридан, а какое-то их учреждение, судя по всему, научное: непонятное оборудование, какие-то хранилища вроде сейфов. Вошли в зал. Посредине большой цилиндр из блестящего черного материала. Вдоль стен такая же черная панель с множеством приборов, как в первом разрушенном городе. Робот предлагает нам сесть...

— Садитесь! — разрешил Вашата и спросил: — Что еще в вашем зале?

— Ничего. Даже стены без росписи, однотонные, с множеством закрытых дверей, одна стена — желтоватая, напоминает экран...

Мы сели в большие мягкие кресла, они появились как из-под пола, а может быть, стояли возле черного куба, да мы их не заметили, хотя трудно было их не заметить: они оранжевые.

Тогда мы просто не раздумывали о таких мелочах: перед нами были копии подлинных эридан. В зал вошли еще восемь роботов и стали в разных местах у панели. Первый робот, видимо главный, находился возле нас, стоя лицом к экрану. Мы также стали глядеть на экран, и опять я почувствовал нервный холодок на спине. Антон с силой выдохнул воздух.

Зингер нетерпеливо спросил:

— Ну что там у вас?

Антон ответил:

— Сейчас, по-видимому, начнется киносеанс. Все верно! На экране — пейзаж Эридана с высоты. Вот город — вернее, огромный, сверкающий на солнце купол. К нему ведет канал и несколько дорог, обсаженных бурым кустарником. По каналам движутся суда, те, что мы видели на фресках, на дорогах только пешеходы, здесь не было наземных транспортных машин, только аэролеты различных конструкций...

Антон нетерпеливо пояснял Вашате и Зингеру главное, что мы видели на гигантском экране.

Неожиданно кресла поднялись, и мы, ухватившись за подлокотники, поплыли над экваториальной равниной, вероятно, в пору наивысшего благоденствия эридан. Судя по солнцу, мы летели параллельно экватору.

Антон сказал:

— Похоже на Египет.

Я согласился с ним, что сеть каналов, поля между ними напоминают египетские, к западу от Каира, за Асуанской плотиной, но только при беглом взгляде, здесь не было земной теплоты в пейзаже, не тот рисунок оросительной сети, иные краски полей, иные города, поселки, все не то. Ведь мы на Эридане!

Робот-гид исчез. Иногда сбоку повисала авиетка, и на нас

из-за ее прозрачных стенок смотрели большеглазые существа, все, казалось, одного возраста, не было совершенно детей. Не заметили мы их и на суше, на улицах городов. Словом, иллюзия полета и встреч с эриданами была полной. Вначале путешествие протекало в полной тишине, затем хлынули звуки: певучий говор, шум воды на плотинах, свист ветра. Мы забыли про Вашату и Зингера. Но скоро они напомнили о себе, появившись рядом в таких же оранжевых креслах.

Вашата сказал:

— Полная фантазмагория! Непонятно, как они это делают?

Зингер молчал, глядя вниз: мы летели над водохранилищем, и на голубовато-фиолетовой воде виделось множество судов с необыкновенно высокими мачтами и разноцветными, непомерно большими парусами, конечно, по нашим земным масштабам.

— Гонки! — сказал Вашата. — Все-таки как они это...

Я не услышал конца фразы. Мы опять очутились в зале возле черного цилиндра, в креслах перед гигантским пустым экраном. Вашата и Зингер исчезли. Робот сказал по-русски:

— Сеанс прекратим. После еще. Более важное.

— Уже научился! — сказал Антон. — Способный парень.

Робот-эриданин ответил:

— Научился немного. Говорите, думайте больше, быстро — научусь мгновенно.

Антон аж подпрыгнул в кресле и обратился к роботу:

— Извините, друг, мы вам не представились, мы люди Земли.

Антон остановился пораженный: на экране возник необыкновенно четкий снимок нашей планеты, голубой, теплой, в мантии облаков, между которыми проглядывали синь океанов и контуры Африки.

Эриданин (после всего происшедшего я не могу называть роботом это необыкновенное существо) сказал:

— Мы знаем. Мы ждали. Долго. Очень...

В шлеме загудел взволнованный голос Вашаты:

— Ив, Антон!.. Кто с вами сейчас разговаривает?

— Все в порядке, Костя, — ответил Антон. — Это наш друг эриданин. Как видишь, начал говорить по-русски. Потрясающая встреча! Здесь ключ ко всему!

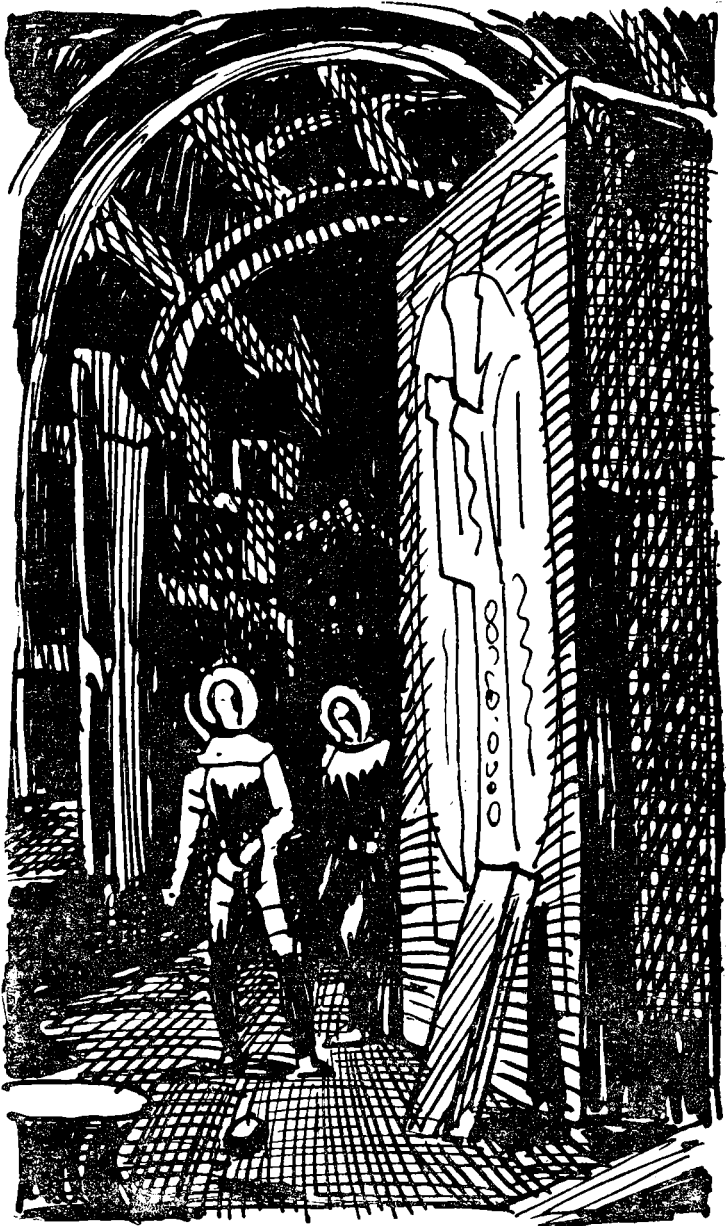
У нашего гида оказалось длинное певучее имя:

— Рожденный в день великой красной бури, в мгновение умирающей надежды.

Он представился нам вечером, когда у него возрос словарный запас, но мы тут же стали звать его Артаксерксом, а для краткости — Артом, — на большее у нас не хватило фантазии, и действительно в нем было что-то царственное, и борода напоминала древнего ассирийца.

В этот день, а вернее, — уже в ночь, сеанс длился несколько часов, больше не было никаких потрясений. Арт проводил нас до дверей, попросив называть все, что мы видим.

Только сейчас мы заметили, что в коридоре, ведущем к выходу, в стене находились еще четыре выдвижные двери. Да, я еще не сказал о температуре в помещении: как зафиксировал термометр на шлеме, там было на сто пятьдесят градусов ни-

же, чем в городе, где в полдень термометр показывал плюс восемь.

Поскрипывая, закрылась последняя дверь. Мы очутились на улице, в крошечной темноте. Ветер стих. Странно было видеть в этом чужом мире знакомые земные созвездия.

На дверях опять появилось желтое светящееся пятно и поплыло, указывая путь к «черепашке».

Теперь, когда мы вышли из-под крыши, Вашата с Зингером хорошо видели нас на экране в ходовой рубке.

Вашата сказал:

— Быстрее, ребята! Мы сейчас соорудим такой ужин! Жаль, что нельзя позвать этого парня.

Арт появился в корабле во время ужина. Стоял в углу столовой, закрывая собой дверь в продуктовый склад или буфет, как мы его называли.

Вашата гостеприимным жестом пригласил его к столу. Какое-то подобие улыбки мелькнуло в уголках его губ.

— Нет. Я здесь, чтобы слушать. Запоминать. Мне надо много понятий. Важная миссия, — сказал Артаксеркс и, мгновенные помедлив, добавил: — Обратная связь.

Мы только что спорили, пытаюсь объяснить все происходящее, и часто поминали «обратную связь».

— Так это не он, — первым догадался Антон, — это его копия. — Он протянул руку, и она прошла сквозь иллюзорного Артаксеркса.

— Копия, — подтвердил гость. — Больше говорите. Думайте.

Вашата выключил телесвязь, и Артаксеркс исчез.

— Действительно, обратная связь, — сказал Вашата и снова включил радиоканал.

И он снова появился, но на этот раз в другом конце столовой, возле плиты.

Вашата извинился.

Артаксеркс сказал:

— Нельзя прерывать обратную связь. Нарушение контактов.

Зингер принес съемочную камеру и навел на изображение Артаксеркса.

Вашата сказал:

— Какие мы олухи! Ведь у нас есть специальные словари, которые разработали наши космологи в расчете на встречу с представителями высшего разума.

До поздней ночи мы сначала по очереди, а затем, когда он попросил, все сразу стали напичкивать его словарной премудростью.

Когда прочитали первый, он спросил:

— Есть еще словари?

— Да, есть — два, — ответил Зингер.

— Давай сюда! — приказал Арт.

Теперь мы вразнобой читали вчетвером, а он быстро листал словарь, читая сразу две страницы.

— Черт возьми! — воскликнул пораженный Вашата.

Не переставая переворачивать страницы, Арт изрек:

— Возглас «Черт возьми!» не имеет прямого смысла. Выражение эмоциональное, служит для снятия нервного напряжения.

Мы только переглянулись, помедлив долю секунды, и услышали:

— Давай, давай!

Он запоминал все, анализировал, сопоставлял в своем гигантском уме и только несколько раз переспросил, вернее, поправил Антона, когда тот неправильно ставил ударение или глотал буквы.

Наконец, перевернув последнюю страницу, Арт сказал:

— Вы утомлены. До завтра! Прощайте!

И хотя мы запротестовали, изображение Артаксеркса растаяло.

Во время моей вахты, когда я по инструкции включил сторожевые локаторы, он появился вновь, и я, подгоняемый его молчаливой сосредоточенностью, читал ему и демонстрировал иллюстрации через микропроектор.

Вахту у меня принял Антон, а с нею и тень Артаксеркса.

За завтраком Антон сказал:

— На прощанье Арт пригласил нас к себе в двенадцать полудни по местному времени. Мы с ним совершенно свободно беседовали о довольно абстрактных понятиях. Он смыслит и в любви и дружбе. Вероятнее всего, это киборг. Совершеннейшее создание. Он сказал, что находился в анабиозе в течение девятист тысяч лет при температуре, близкой к абсолютному нулю. Как только мы прилетели сюда, автоматы подняли температуру до минус ста шестидесяти или около этого. Роботы исправили наружные антенны и стали вести за нами наблюдения. Они ждали нас в своем холодильнике.

— Но мы могли и не заглянуть в этот город, — сказал Зингер.

— Исключено. Арт посетил бы нас сегодня или завтра.

Вашата спросил:

— Ты не узнал, что у него за миссия?

— Спрашивал.

— Ну?

— Говорит, что мы увидим сами. Ему приказано показывать, а не рассказывать.

— Что показывать? И кто приказал?

— Увидим завтра, а приказали последние из Вечно идущих. Так он, по крайней мере, сказал. Я спросил: «Может, вечно живущих?» Он ответил: «Жить — идти вперед».

— Непостижимо! — сказал Зингер.

— Пойдете опять вы с Ивом, — сказал Вашата. — Проклятая инструкция не дает мне права пускаться в рискованные предприятия. Хотя какой риск?

— Риск есть, — сказал Зингер.

— Вот поэтому ты и останешься со мной, как лицо, хранящее всю информацию.

Зингер только вздохнул.

Снова ушла в стену тяжелая дверь. Так же церемонно встретил нас Арт — теперь с целой свитой роботов. И они уже хорошо говорили по-русски, по крайней мере, краснобородый сказал, дотронувшись до моего рукава:

— У вас, товарищ, прекрасная защита. Белковые гуманоиды

не смогли бы существовать, лишённые таких покрытий. — И еще спросил: — Вы такие же долгожители, как Вечно идущие?

— Да, мы живем вечно, — солгал я, хотя при общении с инопланетчиками строжайше запрещалось лгать. Просто я испугался, и мне захотелось показать, что мы: неуязвимы против любых козней.

Я без стыда не могу вспомнить, как робот проронил:

— Не соответствует действительности...

Мы уже входили в большой зал с черным цилиндром.

Антон крикнул, прошепав:

— Олух. Они читают наши мысли, а ты...

Арт мгновенно подтвердил эту мысль, сказав:

— Очень легко и много быстрее передавать информацию без слов. — И спросил: — Что такое «олух»? Существо, дающее ложную информацию. Какова цель такого действия?

— Вот именно! — проговорил Антон. — Никакой цели не было. Отсутствие контроля над действиями.

— Была причина, — возразил Арт. — Патологический эмоциональный сдвиг.

Меня прошиб пот.

Арт сжалился, предложив нам сесть.

— Действительно «олух», — услышал я голос Вашаты и саркастические покашливания Зингера.

Хранитель информации сохранит этот жуткий диалог, навечно законсервирует мой позор.

После того как я пришел в себя и даже улыбнулся, найдя комические стороны в своем поведении, Арт сказал:

— Сейчас вы встретитесь с Вечно идущими, последними из них. Узнаете причину их временной смерти и путь к их возрождению.

Я встретил эти необычайные слова без волнения. Антон, а также Вашата и Зингер, теперь видевшие все, что происходит здесь, тоже впоследствии говорили, что не испытали ничего, кроме любопытства. Вероятно, Арт воздействовал на нас своей могучей волей, подготовил нас к восприятию необычного и действиям, ради которых ждал нас девятьсот тысяч лет!

Мы просмотрели очень много «объемных» записей, раскрывающих жизнь эридан: они окружали себя изысканной роскошью в быту, но комната, в которой мы мгновенно очутились, поражала строгостью. Совершенно пустая, только ковер на полу, да на стене портрет ребенка, играющего в песочек на краю бассейна. Портрет «живой»: ребенок строил башни, стряпал пирожки, наконец, все разломал и принялся снова за работу.

Раздались тяжелые шаги. Стали входить люди. Ребенок на портрете перестал играть в песочек, он застыл, сыпая красный песок из совочка.

Последним вошел Арт и остановился посередине.

Я насчитал более ста эридан. Это были очень старые люди, не по внешности, нет, лица без морщин, косметика скрывала подлинный цвет голых черепов и кожи лица, особенно у женщин: под сенью высоких пышных причесок самых удивительных форм и расцветок черты их были мягче, привлекательней, но глаза, эти огромные глаза, у всех, на кого я смотрел, выражали непомерную усталость, тоску.

К Арту подошел седобородый человек с фиолетовыми глазами. Он стал говорить, вперив в нас жуткий взгляд. Арт переводил:

— Мы знали, что вы придете. Семена жизни, посеянные во вселенной, не должны умереть. Не должны умереть вместе с нами заблуждения. Познав радость жизни, мы стали стремиться к бессмертию, забыв, что вечно живет целое, вид, а не отдельная особь. Жизнь — это смерть и беспрестанное возрождение. И вы не забывайте об этом.

Последнее явно относилось к нам.

Он умолк.

Стали говорить и другие эридане, их речь пояснялась живыми иллюстрациями.

Перед нами раскрывались причины гибели такой могучей цивилизации. Беда надвигалась двумя путями. Стремясь удовлетворить свои непомерно возросшие потребности, эридане изготворяли невероятное количество вещей, по существу им ненужных, неэкономно расходуя ограниченные запасы недр, нарушая экологическое равновесие в природе. И мы видели, как, убыстряясь, менялся лик планеты, как плодородные долины превращались в пустыни, высыхали каналы, разрушались плотины, и моря поглощали песок. Так кажущееся благополучие вело к катастрофе. Все еще можно было поправить, если бы другим путем не надвигалась более страшная опасность: люди обрели кажущееся бессмертие! Непомерно удлиннили срок жизни, «забыв, что вечно живет целое, вид, а не отдельная особь», как сказал синебородый. Почему-то эта очевидная истина была забыта или игнорировалась эгоистическим обществом. Стремясь бесконечно продлить жизнь, они что-то нарушили в своем генетическом коде. Сократилось, а затем и совсем прекратилось деторождение. Появление ребенка стало редчайшим атавистическим явлением. И все-таки люди умирали или уходили сами, устав от жизни, не оставляя никого взамен.

Перед нами находились последние эридане, которые искали средства вернуть былое величие и планете и эриданскому роду. Они кропотливо собирали опыт миллионолетней цивилизации, находили способы консервирования зданий и передач их потомкам не только с помощью звучащих книг, а и зримо, в образах.

Мы увидели работу лабораторий, где биологи восстанавливали утраченные звенья в генетическом коде у редчайших человеческих эмбрионов и погружали их в анабиоз. Наконец, несколько сот колб, опущенных в жидкий воздух, покоились в шахте под черным цилиндром. Там хранились также миллиарды отдельных клеток, мужских и женских, — материал для воссоздания человечества.

Составлены точнейшие инструкции, как вернуть их к жизни. Изготовлены точнейшие приборы. Хранится пища.

Вашата спросил Арта:

— Почему же они сами не занялись всем этим? Почему ждали нас?

— Было много попыток. Вновь рожденные не могли жить в изменившихся условиях планеты. Последние из Вечно идущих находились в помещениях, изолированных от внешней среды. Воздух для их дыхания получали машины. И машин осталось

мало, как и жилищ. Из людей остались только те, что были перед вами в комнате с последним ребенком. Все они устали. Их хватило только на это. Остальное сделаете вы!

Антон спросил:

— Почему так долго ждали? Могла произойти новая катастрофа — все могла уничтожить случайность, хотя бы метеорит!

— Исключено, поля отклоняют их полет. Ты еще хочешь спросить: почему мы, роботы, ждали вас? Ответу: мы не в состоянии. В нас нет программы необходимых творческих эмоций. В изменившихся условиях процессы могут пойти непредусмотренным путем. Да. Я в состоянии решить их, — опять Арт прочитал мысль Антона, — при условии, если мне поставят задачу. Прежде ее ставили Вечно идущие, теперь будете ставить вы.

Я подумал, что не так трудно было покрутить на простой вычислительной машине, хотя бы дав задание Арту, все возможные варианты условий возрождения жизни на планете и возможность любых осложнений при выращивании эридан, а также создать массовое производство роботов для реставрации планеты. Создать роботов, особенно ботаников, бактериологов и других узких специалистов, необходимых для восстановления обитаемой среды.

Арт ответил, не дав мне раскрыть рта:

— Вечно идущие обоснованно опасались возникновения механической жизни. Боялись совершить еще одну ошибку.

— Можно согласиться с ними, — сказал Вашата.

Опять мы очутились в первой комнате с портретом ребенка, играющего в песочек. Перед нами стояли те же эридане.

Синебородый произнес певучую фразу. Арт перевел:

— Мы шлем вам привет! Думаем о вас! Благодарим вас! Надемся! Вечный страж остается!

Эридане подняли согнутую левую руку, затем исчезли.

Арт помедлил секунду, этот «огромный» отрезок времени, видно, показался ему вполне достаточным для того, чтобы мы смогли осмыслить все происшедшее, затем сказал:

— Вы это сделаете. Пройдет не более тысячи лет — малый срок жизни Вечно идущего.

На 2-й стр. обложки — рисунок В. КОЛТУНОВА и рас-
сказу Сергея Жемайтиса «Артансерис».